

УДК 159.99

DOI 10.5930/1994-4683-2025-12-319-326

**Представление педагогов о травле и работе с ней
в образовательных организациях**

Коршунова Ольга Валентиновна¹, кандидат психологических наук, доцент

Солдатова Галина Викторовна², кандидат психологических наук, доцент

¹Национальный государственный Университет физической культуры, спорта и здравоохранения имени П.Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург

²Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования им. К.Д. Ушинского

Аннотация

Цель исследования: – получение эмпирических данных относительно представлений педагогов о феномене школьной травли и методах работы с ней.

Методы исследования: анкетирование педагогов образовательных организаций, контент-анализ и вариационная статистика.

Результаты исследования и выводы. Представления педагогов о феномене школьной травли характеризуются значительной аморфностью, проявляющейся в большом разбросе характеристик и низкой частотой их выбора в общей выборке. Педагоги оценивают вероятность появления травли в ученической среде «выше средней» среди всех степеней общего образования. Оценки специалистами компетентности большинства педагогов в сфере работы с травлей являются довольно низкими. Педагоги испытывают высокую потребность в уточнении целого ряда вопросов, связанных с оценкой травли и способов ее профилактики и устранения.

Ключевые слова: педагогическая психология, травля, образовательные организации, обучающиеся, педагоги.

Educators' perceptions of bullying and working with it in educational organizations

Korshunova Olga Valentinovna¹, candidate of psychological sciences, associate professor

Soldatova Galina Viktorovna², candidate of psychological sciences, associate professor

¹Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St. Petersburg

²St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky

Abstract

The purpose of the study is to obtain empirical data regarding educators' perceptions of the phenomenon of school bullying and the methods used to address it.

Research methods: surveying educators of educational institutions, content analysis, and variance statistics.

Research results and conclusions. Educators' perceptions of the phenomenon of school bullying are characterized by significant amorphousness, manifested in a wide range of characteristics and a low frequency of their selection in the overall sample. Educators assess the likelihood of bullying occurring in the student environment as 'above average' across all levels of general education. Specialists' evaluations of most educators' competence in addressing bullying are quite low. Educators express a strong need for clarification on a number of issues related to the assessment of bullying and methods for its prevention and elimination.

Keywords: educational psychology, bullying, educational institutions, students, teachers.

ВВЕДЕНИЕ. В «Концепции развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года» среди приоритетных направлений в развитии системы психолого-педагогической помощи участникам образовательных отношений подчеркивается необходимость «актуализации региональных планов (комплексов мер) по развитию системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования, включающих мероприятия, направленные на профилактику травли и иных видов социально опасного поведения среди участников образовательных отношений, а также психолого-педагогическую помощь жертвам травли из числа участников образовательных отношений, в субъектах Российской Федерации» [1].

Несмотря на то, что проблемам травли посвящено довольно много научных исследований, как отечественных [2-11], так и зарубежных [12-15], и еще больше – разнообразных методических рекомендаций (большая часть которых не имеет доказательной научной базы, так как не проходила процедуру экспериментальной апробации), на данный момент не обнаружено исследований профессиональной позиции педагогов в отношении школьной травли.

По мнению авторов данной статьи, наиболее ёмко это проявляется в представлениях педагогов о феномене травли и методах работы с ним (как в профилактическом, так и в коррекционном отношении). Именно данный аспект имеет большое значение. Во многих научных работах утверждается, что именно от позиции педагога зависит судьба всех участников травли [2, 7, 8, 11, 13, 14 и др.]. Таким образом, существуют основания полагать, что от степени сформированности профессиональной позиции педагогических специалистов может зависеть сама возможность работы с травлей, которая во многих случаях вызывает вполне обоснованные сомнения по целому ряду причин (в частности, из-за высокого уровня латентности данного феномена, сложности в идентификации и интерпретации многих коммуникативных процессов, невысокой склонности зачинщиков травли к «исправлению» и т. п.).

Согласно многолетним исследованиям, в зависимости от вида причиненного вреда, с проявлениями травли сталкиваются от 2 до 8% обучающихся общеобразовательных организаций [16]. Так, например, с проявлениями кибертравли в качестве свидетелей сталкивалась треть (29% школьников, реже всего – пятиклассники – 24%, чаще всего – агрессора, 18% – в качестве жертвы), с распространением сплетен – 6% и 7% (семиклассники – 32%). Чаще всего обучающиеся сталкиваются с оскорблениеми (18% и 19%) и игнорированием одноклассников в вербальной форме (7% и 5%). Реже всего – с проявлениями физического вреда (4% и 5%), кражей и порчей вещей (1% и 4%). В среднем, 7% обучающихся идентифицируют себя как агрессора и 7% – как жертву. При этом в качестве основных причин насилия по отношению к одноклассникам чаще всего фигурировали ответы: «он сам бьет или унижает других» (65%) и «он конфликтует с более сильным» (43%). Несмотря на то, что большая часть (83%) опрошенных (в исследовании участвовали более 13 тысяч респондентов – учащихся средней школы) ощущают себя в школе в относительной безопасности, обращает на себя внимание следующий «расклад» ответов на вопрос: «Можете ли Вы рассчитывать на помощь взрослых, если Вам угрожают или Вас обижают в школе?»: «да, всегда» – 54%, «да, но не всегда» – 32%, «почти никогда» – 7% и «полностью нет» – 7%. Все это лишний раз подтверждает высокую актуальность изучения проблемы травли в системе образования.

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. В исследовании поискового характера приняли участие 25 педагогических работников образовательных организаций (в основном, педагоги-психологи). Респонденты отвечали на вопросы авторской анкеты «Травля в образовательной среде», которая включала в себя два блока: «Травля как феномен» и «Работа с травлей». Часть вопросов анкеты была открытого, часть – закрытого характера. В первом случае методом обработки полученных данных выступал контент-анализ, во втором – определение процентной

доли определенной категории ответов, средних арифметических и стандартных отклонений (в зависимости от характера вопроса).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представления о травле в образовательных организациях

На вопрос о *признаках травли в школе* педагогами было сформулировано более 30 характеристик, что довольно избыточно. Наиболее популярными были: ситуации игнорирования, наличие в классе «изгоя» – 40%, применение насилия (в том числе, психологического) – 25%, нежелание ребенка идти в школу – 15%. На системность проявлений признаков указало небольшое количество опрошенных (менее 10%), что указывает на несформированность представлений специалистов о феномене травли.

Другие варианты ответов можно отнести к характеристикам:

- общей атмосферы в классе («негативная обстановка», неравенство обучающихся, пропажа вещей, постоянные конфликты, наличие «группировок», «вспышки» агрессии, ябедничество, появление групп, ролевая структура травли);
- особенности подверженного травле – его внешности (дефекты одежды, травмы), поведения (снижение успеваемости, пропуски занятий, замкнутость), состояния (сниженное настроение – тревожность, депрессия) и т.п.

Основными провокаторами травли в школе, по мнению педагогов, являются:

- характеристики организационной культуры школы (отсутствие четких правил, терпимость к агрессии, неразвитость коммуникативной культуры);
- характеристики школьного коллектива (нарушенные отношения, отсутствие коллектива, нарушения дисциплины);
- позиция и поведение педагогов (провоцирование или попустительство);
- позиция и поведение родителей (провоцирование или попустительство);
- характеристики «агрессоров» (потребность в доминировании, борьба за власть);
- характеристики подвергающихся травле (социальные и психические «дефекты»).

В данном случае частотный анализ встречаемости терминов осуществить не удалось, но на уровне тенденции можно отметить, что чаще всего упоминалась роль педагогов и характеристик «жертвы».

Для уточнения последнего аспекта педагогам было предложено описать *характеристики «типичной жертвы травли»*. В целом, было получено более 30 характеристик, что свидетельствует об отсутствии общей картины «группы риска». Наиболее часто повторяющимися были: любая «инаковость», необычность (около 20%), «проблемность» – учащиеся категории ОВЗ, «поведенческие» (в совокупности – более 30%), характеризующиеся определенными социальными особенностями, негативно влияющими на их социальный статус (слабоуспевающие, из неблагополучных семей, другой национальности) – около 15%. Было дано много описаний черт личности (например, тревожные, замкнутые интроверты, с нарушением коммуникативных навыков, эмоционально-реактивные), часть которых была пред-

ставлена разными «полюсами» (например, «слишком тихие» – «слишком активные», «неблагополучные – слишком благополучные»), с негативными («ябеды», с «заявленной самооценкой», «демонстранты»), неоднозначными («требовательные к другим») и даже позитивными чертами («умные и талантливые»). В целом, можно согласиться с мнением, что жертвой травли может стать практически «любой» (однако – с разной степенью вероятности).

Также педагогам было предложено описать личность педагога – жертвы травли со стороны либо учеников, либо коллег. Чаще всего упоминалась «неопытность» педагога. Однако встречались и характеристики поведения (пытавшиеся управлять другими, вступающие в противоречие с другими, с низкой коммуникативной культурой), деятельности («слишком успешные», «требующие избыточного внимания»), социального положения (финансово малосостоительные, неугодные руководству, «новички») и личности («жесткие, нетерпимые», «акцентуированные»). В целом, ответ на данный вопрос вызвал у педагогов значительные затруднения.

Педагогам было предложено оценить степень распространенности травли среди учащихся по 5-балльной шкале (от 0 – «отсутствует» до 4 баллов – «максимальная степень») среди обучающихся и педагогов. В отношении учащихся были получены данные, свидетельствующие о том, что распространенность травли в большинстве случаев выше средней:

- Начальная школа – $2,2 \pm 0,9$;
- Пятье-седьмые классы – $3,6 \pm 0,6$;
- Восьмые-девятые классы – $2,9 \pm 0,8$;
- Десятые-одиннадцатые классы – $1,3 \pm 0,7$.

Таким образом, максимальная вероятность травли наблюдается среди учащихся средней школы, минимальная – среди старшеклассников.

В отношении педагогов ситуация с травлей выглядит несколько более благополучной (по сравнению с обучающимися), но все же далекой от идеальной. Уровень распространенности эпизодов травли в отношении педагогов можно охарактеризовать как ниже среднего:

- Со стороны учащихся по отношению к педагогам – $1,5 \pm 0,8$;
- Среди педагогического коллектива – $1,3 \pm 0,6$.

Представления педагогов о работе с травлей в образовательной организации

На вопрос о необходимости систематической работы с травлей в системе образования по отношению к:

- обучающимся – получено 18 ответов, все положительные;
- педагогам – меньшее количество ответов (11), преобладают положительные.

Следовательно, не все педагоги уверены в необходимости такого рода работы. Это может быть связано с тем, что на данный момент нет четкого представления о ее формах, содержании и результатах.

На вопрос, ведется ли в образовательных организациях целенаправленная работа с травлей, получено всего 3 положительных ответа, еще 2 – «скорее ведется». Однако и ответ «нет» встречается только один раз. Из самостоятельно написанных

вариантов можно отметить такие, как «не везде», «только по запросу», «редко», «только профилактика», «чисто формально» и т.п.

Однако на вопрос «Если такая работа не ведется, то почему?» представлено достаточно много вариантов ответов. Доминирующим является «недостаток ресурсов» (временных, кадровых и т.п.) – 20%. Остальные ответы: «нет обученных педагогов», «нет системы работы с травлей», «нет заинтересованности», «не замечают травлю, не считают ее проблемой», «путают травлю и конфликт», «страх за репутацию» («если есть работа, значит, есть и травля»).

Специалистам было предложено оценить уровень компетентности педагогов в этом вопросе по 5-балльной шкале (от 0 до 4 баллов). Выяснилось, что его уровень можно охарактеризовать как ниже среднего, в частности, в сферах:

- Профилактики травли – $1,6 \pm 0,8$;
- Работы с травлей – $1,3 \pm 0,9$.

На вопрос о наличии повышения квалификации в сфере работы с травлей (напомним, большинство респондентов – педагоги-психологи), таковое обнаружилось лишь у 10% опрошенных.

Далее, респондентам были заданы вопросы «открытого типа» о конкретных, знакомых им, методах предупреждения и устранения травли.

В отношении профилактики травли было получено более 30 вариантов ответов, большая часть которых упоминалась лишь единожды. Наиболее популярным оказался метод «беседы с обучающимися» — 30%. Однако метод «педагогической беседы» (особенно с подростками) может иметь далеко не однозначные эффекты. Относительно «популярными» являются такие методы, как «проведение тренингов» (на сплочение коллектива, специальной профилактической направленности) – 23%, «проведение тематических классных часов» и «правовое просвещение» — по 17%. Из более или менее конкретных предложений (многие были сформулированы довольно аморфно – например, «занятия с подростками», «программа для учащихся», «формирование коммуникативной компетентности обучающихся» и т.п.) также были озвучены такие варианты, как обсуждение художественных фильмов, применение восстановительных медиативных практик («кругов сообщества»), создание в образовательной организации специальных правил, регулирующих поведение в отношении травли («антибуллинговый договор» или «хартия»), регулярная диагностика, индивидуальная работа как с потенциальными «зачинщиками», так и с потенциальными «жертвами» травли, проектная деятельность и даже создание «специальных комитетов по борьбе с травлей». Также упоминается о необходимости работы и с педагогическим коллективом.

В отношении представления педагогов о методах работы с травлей ситуация еще менее благоприятна. Получено около 20 ответов, многие из них – откровенно профилактической направленности (например, «профилактическая беседа», «проведение семинара для педагогов», «подписание антибуллингового договора», «организация и проведение тренингов», «занятия на повышение коммуникативной компетентности» и т.п.). При отсечении подобных вариантов остается незначительный спектр «рабочих методов». Наиболее популярным является «работа с сообществом» (вовлеченными в ситуацию учащимися, классным руководителем,

родителями) — 30% (правда, не указывается формат такой работы). Также неоднократно упоминается метод «индивидуального консультирования» участников травли — 24%. В решении проблемы травли упоминается довольно много практик восстановительной медиации («круги сообщества» — 25%, «школьная конференция»). Также говорится о необходимости социально-педагогической работы, применении административных методов, проведении бесед с классом и индивидуальных бесед с вовлеченными в травлю.

Самым сложным для респондентов оказался вопрос о методах помощи жертве травли. Получено всего 11 вариантов ответов, самым популярным из которых было «индивидуальное психологическое консультирование» — 54%. Также упоминались такие методы, как «перевод в другой класс», «беседа с ребенком и его семьей», восстановительные медиативные практики («восстановительная медиация», «круг поддержки»), говорилось о возможности проведения психотерапии и т.п.

В качестве завершающего вопроса педагогам было предложено составить перечень волнующих их вопросов в отношении школьной травли, которые необходимо обсуждать в профессиональном сообществе.

Ими было сформулировано более 40 вопросов, большая часть которых касалась необходимости уточнить содержание понятия травли в образовательной среде — более 40%. Действительно, травля, как и собственно феномен насилия, характеризуется крайней неоднозначностью, что может породить проблему как «недооценки», так и «переоценки» данной проблемы. Также специалистов интересует определение «зон ответственности» участников образовательного процесса как в возникновении, так и в устраниении ситуаций травли, конкретный алгоритм действий педагогов в случае ее обнаружения, возможные санкции за нее, методы диагностики, профилактики и «лечения» травли, критерии их эффективности, возникновения и завершения эпизода травли, обучения педагогов работе с ней и т.п.

ВЫВОДЫ. Полученные посредством контент-анализа данных анкетирования педагогов свидетельствуют, что представления педагогов о феномене школьной травли и методах работы с ним являются достаточно аморфными. Это проявляется в большом количестве разнообразных ответов и низкой степени их согласованности. По оценкам педагогов, уровень профессиональной компетентности большинства их коллег в решении проблем травли является довольно низким, а ее распространность — весьма высока (особенно — с пятого по седьмой класс обучения). Это отчасти вызвано сложностью феномена травли в научном и прикладном отношениях. Педагоги выдвигают запрос на уточнение многих позиций, связанных с интерпретацией феномена травли, и стандартизацию методов работы с ним. Все перечисленное свидетельствует о необходимости усиления методического обеспечения данного направления педагогической деятельности и повышения квалификации педагогов по проблемам профилактики и устранения ситуаций травли в образовательном пространстве. Также следует отметить необходимость продолжения исследований проблемы профессиональной позиции педагогов в отношении феномена школьной травли.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Письмо Минпросвещения России от 01.07.2024 N ДГ-1105/07 «О направлении Концепции и плана (вместе с Концепцией N СК-13/07vn развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года» : утв. Минпросвещением России 18.06.2024, Планом мероприятий N СК-13/07vn на

2024-2030 годы по реализации Концепции развития системы психолого-педагогической помощи в сфере общего образования и среднего профессионального образования в Российской Федерации на период до 2030 года, утв. Минпросвещением России 18.06.2024). URL: <https://sudact.ru/law/kontseptsii-razvitiia-sistemy-psikhologo-pedagogicheskoi-pomoshchi-v-sfere/> (дата обращения: 01.09.2025).

2. Бочавер А. А., Жилинская А. В., Хломов К. Д. Школьная травля и позиция учителей // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 1. С. 103–116. EDN: TLJWKX.
3. Кривцова С., Шапкина А., Белевич А. Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия // Образовательная политика. 2016. № 3. С. 97–119. EDN: LYGINC.
4. Новикова М. А., Реан А. А. Влияние школьного климата на возникновение травли: отечественный и зарубежный опыт исследования. DOI 10.17323/1814-9545-2019-2-78-97 // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 78–95. EDN: ICBEUY.
5. Петросянц В. Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде и их жизнестойкость : автореф. дис. канд. наук. Санкт-Петербург, 2011. 29 с. EDN: QHJMZP.
6. Реан А. А., Новикова М. А. Буллинг в среде старшеклассников: распространность и влияние социо-экономических факторов // Мир психологии. 2019. № 1. С. 165–177. EDN: JSIWCL.
7. Реан А. А., Кошельева Е. С. Агрессия и асоциальное поведение подростков в сознании педагогов. DOI 10.24412/2073-0454-2021-4-305-312 // Вестник Московского университета МВД России. 2021. 4. С. 305–312. EDN: COEFQD.
8. Розет М. В., Черняева С. А. Исследование внутришкольного насилия // Служба практической психологии в системе образования: достижения и устремления : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. М. Шингаева. Санкт-Петербург : СПб АППО, 2020. С. 148–153.
9. Фурманов И. А. Социальная психология агрессии и насилия. Минск : Бел. гос. ун-т, 2016. 392 с. EDN: MNGMOK.
10. Шаблыпева Ю. Е., Антильева М. В., Шилова И. М. Гендерные особенности буллинга у старшеклассников. DOI 10.34670/AR.2021.77.21.012 // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10, № 6-1. С. 110–118. EDN: PEQJTG.
11. Янова Н. Г. Психолого-педагогические риски буллинга в образовательной среде // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15). С. 189–197. EDN: CXETSS.
12. Indicators of School Crime and Safety: 2017 / Musu-Gillette L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Kemp J., Diliberti M., Oudekerk B.A. Washington, DC : National Center for Education Statistics, 2018. URL: <https://nces.ed.gov/pubs2018/2018036.pdf> (accessed: 26.04.2021).
13. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do. N. Y.: Wiley-Blackwell, 1993. 152 p.
14. The Ecology of Teachers' Experiences with Violence and Lack of Administrative Support / McMahon S. D., Reaves S., McConnell E.A. [et al.] // American Journal of Community Psychology. 2017. Vol. 60, no. 3-4. P. 502–515.
15. Yoon J., Sulkowski, M. L., & Bauman, S. A. (2016). Teachers' responses to bullying incidents: Effects of teacher characteristics and contexts. DOI 10.1080/15388220.2014.963592 // Journal of school violence. 2016. V. 15 (1). P. 91–113.
16. Солдатова Г. В., Шингаев С. М. Профилактика насилия в образовательной среде. Санкт-Петербург : СПб АППО, 2024. 166 с.

REFERENCES

1. The Ministry of Education of the Russian Federation (2024), “Letter dated 01.07.2024 N DG-1105/07 On the direction of the Concept and Plan (together with the Concept N SK-13/07vn for the development of the system of psychological and pedagogical assistance in the field of general education and secondary vocational education in the Russian Federation for the period up to 2030”, approved by Ministry of Education of the Russian Federation on 06/18/2024. Action Plan N SK-13/07vn for 2024-2030 for the implementation of the Concept for the development of a system of psychological and pedagogical assistance in the field of general education and secondary vocational education in the Russian Federation for the period up to 2030, approved by the Ministry of Education of the Russian Federation 06/18/2024), URL: <https://sudact.ru/law/kontseptsii-razvitiia-sistemy-psikhologo-pedagogicheskoi-pomoshchi-v-sfere/>.
2. Bochaver A. A., Zhilinskaya A. V., Khlomov K. D. (2015), “School Bullying and Teachers' Position”, *Social Psychology and Society*, Vol. 6, No. 1, pp. 103–116.
3. Krivtsova S., Shapkins A., Belevich A. (2016), “Bullying in Schools Around the World: Austria, Germany, and Russia”, *Educational Policy*, No. 3, pp. 97–119.
4. Novikova M. A., Rean A. A. (2019), “The Influence of School Climate on the Emergence of Bullying: Domestic and Foreign Research Experience”, *Voprosy Obrazovaniya*, No. 2, pp. 78–95, DOI 10.17323/1814-9545-2019-2-78-97.
5. Petrosyants V. R. (2011), “Psychological Characteristics of High School Students Who Participate in Bullying in the Educational Environment and Their Resilience”, Abstract of Dissertation. ... Candidate of Sciences, St. Petersburg, 29 p.

6. Rean A. A., Novikova M. A. (2019), “Bullying among High School Students: Prevalence and Influence of Socioeconomic Factors”, *Mir Psichologii*, No. 1, pp. 165–177.
7. Rean A. A., Kosheleva E. S. (2021), “Aggression and Asocial Behavior of Adolescents in the Consciousness of Teachers”, *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, No 4, pp. 305–312, DOI 10.24412/2073-0454-2021-4-305-312.
8. Rozet M. V., Chernyaeva S. A. (2020), “Research on Intra-School Violence”, *The Service of Practical Psychology in the Education System: Achievements and Aspirations*, Collection of Materials of the XXIV International Scientific and Practical Conference, SPb APPO, pp. 148–153.
9. Furmanov I. A. (2016), “Social psychology of aggression and violence”, Minsk, BSU, 392 p.
10. Shabysheva Yu. E., Antipyeva M. V., Shilova I. M. (2021), “Gender-specific bullying in high school students”, *Psychology. Historical and critical reviews and modern research*, Vol. 10, No. 6, pp. 110–118, DOI 10.34670/AR.2021.77.21.012.
11. Yanova N. G. (2019), “Psychological and pedagogical risks of bullying in the educational environment”, *Human health, theory and methods of physical culture and sports*, No. 4 (15), pp. 189–197.
12. Musu-Gillette L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Kemp J., Diliberti M., Oudekerk B.A. (2018), “Indicators of School Crime and Safety: 2017”, Washington, DC, National Center for Education Statistics, 280 p.
13. Olweus D. (1993), “Bullying at School: What We Know and What We Can Do”, N. Y., Wiley-Blackwell, 152 pp.
14. McMahon S. D., Reaves S., McConnell E. A. [et al.] (2017), “The Ecology of Teachers’ Experiences with Violence and Lack of Administrative Support”, *American Journal of Community Psychology*, Vol. 60, no. 3-4, pp. 502–515.
15. Yoon J., Sulkowski M. L., Bauman S. A. (2016), “Teachers’ responses to bullying incidents: Effects of teacher characteristics and contexts”, *Journal of school violence*, V. 15 (1), pp. 91–113, DOI 10.1080/15388220.2014.963592.
16. Soldatova. V., Shingaev S. M. (2024), “Prevention of Violence in the Educational Environment”, SPb., SPb APPO, 166 p.

Информация об авторах:

Коршунова О.В., доцент кафедры психологии, SPIN-код: 8858-3231.

Солдатова Г.В., доцент кафедры психологии, SPIN-код 9752-5971.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 01.10.2025.

Принята к публикации 17.11.2025.